

18+

Мисти Найдт

МАЛИГНИЯ

Мисти Найт

Малигния

«Издательские решения»

Найт М.

Малигния / М. Найт — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. После Третьей мировой войны Новый Порядок
пытается исцелить человечество от наследия прошлого. Психолог Кристина
участвует в эксперименте по лечению нарциссизма, а её самым сложным
пациентом становится Марко По — блестящий учёный и опасный
манипулятор. Но чем глубже она погружается в его сознание, тем сильнее
сталкивается с собственными травмами. Психологическая антиутопия
о власти, боли и природе зла.

© Найт М.

© Издательские решения

Содержание

Малигния	6
Глава 2	12
Летний дождь	12
29 июня 2064 года	13
Вторник	14
Глава 3	18
Глава 4	22
Мисс Андреа	22
2 июля 2064 года	23
Пятница	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Малигния

Мисти Найт

© Мисти Найт, 2026

ISBN 978-5-0070-5377-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Малигния

Глава первая

Красная Орфенатия

28 июня 2064 года

Понедельник

Город Меред, государство Арнея, Восточная Европа

Повсюду она была известна как зелёное лекарство для души. Этот новый цветок, появившийся совершенно случайно сразу после Третьей Великой Войны где-то в мае 2044 года, возник почти божественным образом. Он сиял, словно капля кристального дождя, переливаясь различными оттенками зелёного цвета. Вокруг него расстилалась мистическая дымка. Цветок пах покоем, свежей кисловатой прохладой и влажными сумерками. После войны его высаживали повсюду — в каждом дворе, парке и вдоль каждого берега, и он стал популярнее любого другого цветка. Его называли Орфенатия.

После войны колёса рынка и капитализма перестали вращаться, и родилась новая идея. Это была совершенно новая система, известная как устойчивая экономика или устойчивое развитие. Возникнув одновременно с зелёным цветком, она росла вместе с ним, шаг за шагом выстраивая Новый Порядок. После того как водородные бомбы унесли слишком много жизней, что-то изменилось в самой душе человечества. Человечество коллективно пресытилось жадностью. Заброшенные города вновь были засажены лесами, а воздух начал очищаться. Новые элиты поняли, что могут и должны контролировать жадность. Внезапно все человеческие качества, которые до войны считались желательными, такие как дух соперничества и бесчеловечная гонка за деньгами, стали препятствием для развития и восстановления. И, возможно, впервые в истории человечества один цветок стал важнее доллара, бриллиантов или статуса.

Орфенатия (лат. *Medicinae Viridis*) была универсальным лекарством от неврозов и большинства респираторных расстройств, вызванных блицкригом насилия, известным как Третья Война, а также от двух болезней, которые почти уничтожили всё человечество сразу после войны: Новой Чумы и Мышиной Оспы. Чай из зелёной Орфенатии использовался как чрезвычайно эффективное массовое лекарство не только для тела, но и для психики.

Но Орфенатия существовала не только зелёного цвета. Существовала также красная Орфенатия, так называемая Кровавая Орфенатия. Она не обладала никаким лечебным действием. Тем не менее её высаживали повсюду вокруг медицинских институтов и больниц из-за её гипнотического цвета. Это был цвет живой раны и свернувшейся крови, первозданный цвет первой менструации и последней потерянной любви, цвет языка, обожжённого бомбами, и разбитой надежды, но также цвет дрожащей страсти прекрасной женщины и тёмно-красной парижской помады. Красная Орфенатия была живой памятью, восстающей из пепла молодости, которая не выжила. Она была символом, подобным инь и ян в одном цвете, сияющим, как воспоминание о французском поцелуе истинной любви, и одновременно горьким, как болезненные дни раненых.

Марко По наблюдал за одной красной Орфенатией сразу после того, как вошёл в приёмный зал психиатрического института — Святой Павел в городе Меред, государстве Арнея,

примерно в девять часов утра по времени GMT+1. Тем утром Марко получил необычный звонок. Его попросили как можно скорее явиться в Институт. Звонок показался необязательным, вероятно, это была обычная проверка. Он был необычайно спокоен и, как всегда, полон уверенности в себе. После короткого взгляда на цветок его глаза переключились на собственное отражение в оконном стекле.

Марко очень гордился собой. Ему нравились свои широкие плечи, крепкая грудь и мускулистые руки. Он не был ни низким, ни высоким. Его глаза были слегка опущены и очень светлыми. Гордясь своей северной внешностью и костистым лицом, он чувствовал, будто из его белой кожи исходит некое благородство. Но как бы сильно он ни восхищался своей внешностью, ещё больше он восхищался собственным интеллектом. Он никогда не был человеком, который много и усердно работает. Впрочем, это и не имело значения. У него было достаточно денег, чтобы получить первоклассное образование без особых усилий. Всё, что требовалось, — держать всё под контролем. И он держал. Конечно, существовали некоторые мелкие проблемы, такие как брак с бывшей женой Айви, этой сукой, и существом, которое она ему родила, а также сама неожиданная война, но несмотря ни на что Марко чувствовал себя самым успешным человеком на свете. Он видел себя идеальным сочетанием всего, чем может обладать мужчина: внешности, денег, математического интеллекта, вербального интеллекта, образования и даже определённого музыкального таланта, хотя никогда не играл ни на одном инструменте. Кто в этом мире на тысячу миль вокруг, кроме него, мог бы сказать: — У меня есть всё?

Он не мог представить себе ни одной причины, кроме обычной проверки, по которой кого-то вроде него могли бы вызвать в Институт, подумал он. Может быть, им нужны его гены? Может быть, они хотят создавать клонов, ещё больше людей вроде него, полезных Новому Миру и Новому Порядку. Может быть, им нужна его биография? Должна была существовать какая-то причина, столь же славная, как его собственное отражение, прекрасная, как красная Орфентия, или даже ещё прекраснее — прекрасная, как сам Марко По.

Через четыре минуты в помещение вошла женщина. Она была одета в бирюзовую униформу. По цвету формы Марко сразу понял, что она психолог низшего ранга. Психологами низшего ранга были те, кто окончил только курсы. Новый Порядок это допускал из-за нехватки психологической помощи после войны, поскольку жертв было больше, чем персонала, особенно в клинической сфере, поэтому элиты позволили бедным людям, не способным оплатить полноценное обучение, становиться клиницистами после двадцатичетырёхмесячного курса. Психологи высшего ранга носили светло-голубую форму, медсёстры — зелёную, а врачи — белую. Хотя Новый Порядок утверждал, что высших и низших профессий не существует и что униформа служит лишь для различия, Марко почувствовал лёгкое раздражение. Он испытывал презрение к этому человеку низшего ранга.

Но вскоре он заметил, что это женщина. Довольно красивая, но запущенная женщина. У неё было лицо итальянской актрисы и вполне привлекательное тело, хотя она носила несколько лишних килограммов. К сожалению, подумал он, её волосы были небрежно собраны в хвост, она не пользовалась косметикой, а над верхней губой даже угадывались отдельные волоски. Её кожа была слегка отравлена военным загрязнением, и время от времени на ней появлялась сыпь, поэтому Марко заключил, что до войны она наверняка не была богатой. Она была, без всякого сомнения, представителем низшего среднего класса. Вероятно, у неё было какое-то среднее образование, какой-нибудь посредственный, глупый муж, умерший от Мышиной Оспы, а может быть, она уже и развелась. Да, определённо развелась. Скучная. Муж ею пресытился. И её начальник тоже. Вероятно, и её мать. Она наскучила и Богу, и дьяволу. Скорее всего, у неё уже много лет не было секса. Она мечтает о любви не своего уровня, о муж-

чине хотя бы с одной выдающейся чертой, о мужчине со статусом, даже если у него самый маленький член в мире. Она мечтает о мужчине, которому будут завидовать другие и который в конце концов окажется обладателем одного ужасного недостатка, из-за которого возненавидит остальной мир и придёт в её тёмную нору, такой же горький, как она сама, циничный и изъеденный болью. Для женщин вроде неё никогда не будет Нового Порядка, подумал он. Не существует Нового Порядка, способного стереть тот факт, что когда-то давно существовал мир, в котором она была всего лишь жалким муравьём, замужем за другим жалким муравьём, который её презирал. Он улыбнулся, развлекаясь собственными мыслями.

Существует эта странная истина самой Природы, подумал он, неостановимый порядок Земли, который делит людей на таких, как он, Альф, и таких, как она, Омег. Даже если бы она предстала перед ним с тонной косметики, одетая в самое красивое платье, он всё равно знал бы, что она принадлежит к низшему классу Природы, известному как класс слабости. Ему потребовалось всего десять минут, чтобы оценить её. Уже через одиннадцать минут он знал, что может обмануть её, ослепить, околдовать и соблазнить в любой момент, когда пожелает. И этот факт казался ему скучным.

— Меня зовут Кристина 13569558, и мне тридцать шесть лет. С этого момента я буду вашим личным психологом. Напоминаю вам, согласно Акту №525265, что вы находитесь здесь добровольно и можете уйти в любой момент. Однако согласно Акту №5558686 настоятельно рекомендуется разговаривать со своим психологом и сотрудничать. Ваша бывшая психиатр Хелен 88958685 предоставила нам вашу медицинскую историю и анамнез, в связи с чем вы были приглашены на эту беседу.

— Да, у меня был небольшой кризис... — неохотно ответил он.

— Итак, вас зовут Марко По. Вам сорок два года, вы разведены и имеете докторскую степень по математике. Подтвердите.

Марко подтвердил.

— Поздняя докторская степень. Чем вы занимались до этого? — спросила она.

— О, я окончил ИТ. Работал преподавателем в средней школе. Женился. Тогда это казалось хорошей идеей. Он пожал плечами.

— Давайте немного вернёмся в прошлое. Когда вам было восемнадцать лет, Марко, вы пережили свой первый депрессивный эпизод. Тогда вы впервые обратились к доктору Хелен. Что тогда произошло? — спросила Кристина.

— Ничего особенного, — ответил он. — Я бегал за одной молодой красоткой. Она постоянно меня отвергала. Это была провокация. Намеренная. Всё, что у меня было — деньги, внешность, всё — будто бы она делала вид, что для неё это ничего не значит. А поверьте мне, тогда она была самой сладкой конфеткой на столе. Понятия не имею, что творилось у неё в голове; её парни были уродливыми или посредственными... это была провокация, готов поспорить. Боже, какой же она была упрямой. Иногда я следил за ней. Мне было любопытно узнать, куда она ходит и что её интересует. Конечно, она обвинила меня в преследовании. Это была её маленькая игра против меня. Она даже хотела вызвать полицию, можете себе представить? Полицию, только потому, что была слишком глупа, чтобы признать, как сильно сама хочет

меня, слишком напугана и слаба, чтобы выпустить это чувство наружу, освободить своё добровольное, жаждущее тело. Возможно, она просто не осознавала, что могла получить. Я был для неё настоящей удачей, даже будучи подростком. Тогда я чувствовал себя пробуждённым, словно во мне горел огонь. У меня было ощущение, что до этого момента я был сонным и скупающим. Был тот самый момент, и мне кажется, я гонялся за ней только ради того, чтобы снова испытать этот момент, эту искру, эту жизнь, расцветшую во мне. Будто я проснулся, и все мои чувства ожили, действительно ожили. Чистый адреналин и чистый дофамин, полагаю. Это был такой контраст по сравнению с моей обычной повседневной скукой. Чем сильнее я гонялся за этим ощущением, тем больше из всего, что я к ней чувствовал, оставалась только ярость, всё больше и больше ярости. Я даже начал часто ходить в спортзал, бить грушу и представлять, как разбиваю её глупую голову. А потом её лицо просто поблёкло, и я понял, что на самом деле она никогда для меня не существовала. Это была всего лишь моя детская иллюзия, полагаю...

— Это было основной причиной вашей депрессии в то время? — спросила Кристина.

— Вообще-то я не уверен. Мелани наказала меня за преследование. Она меня не била, это правда, но её методы наказания были довольно изобретательными. Тогда она заперла меня в комнате без отопления и пригрозила лишить денег на учёбу. Но мне было восемнадцать лет, и я уже не плакал. Я не был испуганным маленьким мальчиком. Я сбежал через окно, — сказал он.

— А Мелани — это... ваша мать?

— Верно, — холодно ответил он. — Отец дал мне немного денег и скрыл это от неё. Он всегда был достаточно глуп, раз не осмеливался ей противостоять. Будь я на его месте, я бы убил эту суку, честно. Я был таким злым подростком, кто бы мог подумать, что в итоге стану таким успешным человеком, а? В конце концов она узнала о деньгах, которые мне дал отец. И тогда началась её обычная болтовня о том, как она жалеет, что я родился, какой большой ошибкой я был... ну, знаете, бла-бла... всё то, что средняя мать думает о своих детях, но никогда не осмеливается сказать вслух. Потому что, знаете, матери... они могли бы многого добиться в жизни, если бы не совершили самую большую ошибку своей жизни, если бы только не вышли замуж за идиота и не родили ребёнка. Женщины — незрелые, суицидальные существа. Они совершают самоубийство, даже не осознавая этого. Делают это из своего подсознания, из своего глубокого, тёмного разума, который жаждет страдания и мучений. Что-то внутри них хочет быть наказанным. И, по-моему, они хотят быть наказанными настолько сильно, не так, будто совершили грех, а будто сами являются грехом. А иногда женщины просто глупы. У меня нет другого объяснения. Без обид.

— Я не обиделась, — ответила Кристина.

«И в конце концов я отчаянно хотел уйти из дома. Я жаждал уехать на учёбу, и Мелани это знала. Она знала, насколько сильно я этого хочу, и постоянно угрожала отнять у меня эту возможность. Без этой учёбы я понимал, что ничто не сможет вытащить меня из болота посредственной жизни в городе Мерсед. Это пугало меня до глубины души. Сотрясало каждую кость в моём теле. Поэтому, полагаю, в какой-то момент другого выхода, кроме депрессии, уже не оставалось. Впрочем, это и не была настолько важная часть моей жизни. Как видите, я всё равно стал успешным человеком, так или иначе.

Позвольте мне небольшое отступление. Ту девушку, которая делала вид, что я ей не нравлюсь, я встретил десять лет спустя. Это уже была не та девушка. Девушки, которую я хотел, больше не существовало. Передо мной стояла женщина с лишним весом, мелкими морщинами вокруг глаз и неухоженными волосами. На ней был дешёвый свитер, а в её глазах зияла пропасть тревоги. Она вышла замуж за какого-то посредственного пролетария из низшего среднего класса. Она оказалась именно там, где заслуживала быть. Платила счета, ненавидела работу, ненавидела мужа, озлобленная и жалкая. Я почувствовал сладкий вкус мести, словно мёд и крем на губах, но даже это не принесло удовлетворения. Я почувствовал жалость. Она не могла вызвать во мне ничего, кроме жалости или презрения. Всё было таким обыденным. Она, женщина, имени которой я даже не помню, и я — победитель всех войн этого мира. Я, самый молодой и самый цитируемый учёный в списке Стэнфорда. Это была настолько гротескная сцена: непривлекательная женщина практически умоляет красивого мужчину хотя бы о получасе спасения. Боже, это было смешно!»

— Очень поэтичный способ выразить это, — заметила Кристина.

— Приму это как комплимент, — улыбнулся он.

— А вступительные экзамены? Были ли у вас с ними проблемы? — спросила она.

— Кроме угроз Мелани выгнать меня из дома, если я провалюсь, ничего особенного. Я поступил, разумеется.

— Полагаю, успехи в учёбе помогли вам справиться с депрессией?

«Отчасти. Мне нравились вечеринки. Это был большой город, и у меня было много возможностей для секса. Очень быстро я забыл ту девчонку. Даже Мелани и отца забыл. Знаете, с другими людьми мы можем разделить только мгновение. Когда мгновение проходит, мы снова становимся теми, кто мы есть: самодостаточными, скучающими и полностью освобождёнными от цепей любых воспоминаний. Так наивно верить, что мгновение может длиться вечно. Я был немного разочарован собственной наивностью, но любое чувство грусти исчезало так же быстро, как и появлялось. Я хотел секса. Хотел пить. Хотел попробовать всё, ходить по клубам, привлекать внимание. Хотел зажигать факелы.

«Я был три месяца с одной сумасшедшей и понял, что они все одинаковые. Время от времени я мечтал о самой красивой женщине. Представлял, как мы вместе потеряем невинность, а потом будем гулять по центру города весной, пока все смотрят на нас с завистью. Но мужчина мечтает, а потом мужчина просыпается. А потом мужчина находит сумасшедшую.

Пробуешь её где-нибудь в грязном туалете и понимаешь, что всё одно и то же. Пока она делала мне минет, я понял, что у неё тело намного лучше, чем у той, которую я когда-то любил. И грудь у неё была больше. Если бы я её хорошо одел, возможно, мог бы показывать её в своём родном городе. Но, Боже мой, какой же она была глупой. Можно было увидеть «низший класс», написанный у неё по всему лицу. Это было в её словах, одежде и привычках гигиены. Кажется, её звали Тияна.

Я потерял с ней девственность, испытывая отвращение, лёжа в луже её телесных жидкостей. Это произошло в комнате бедного студента, пахнувшей дешёвым табаком и жареной картошкой. Я сделал это так, будто это был не мой первый раз. Я попробовал её широкое влага-

лице, её анус, её сладкий, умелый язык. После этого я пошёл выпить. Я думал о своём падении в объятия этой дешёвой женщины, этого социального отброса. Тияна была банальной заменой настоящей жизни. Я хотел большего. Я заслуживал большего. Но всё же какой-то невидимый демон душил меня посредственностью. Что-то тянуло меня в гетто столицы.

Если бы я был бедным, если бы не учёба... я принадлежал бы к низшему среднему классу, имени в нищете, бескровному имени, состоящему лишь из цифр... о, я даже думать об этом не могу! Просто имя без смысла и без букв, символ жалкой, трусливой имитации жизни, символ класса куриц, которые подчиняются, чтобы есть и трахать то, что должны, а не то, что хотят, класса тех, кто счастлив уткнуться головой между ног жалких деревенских девок вроде Тияны».

— К счастью, после неё у меня было много женщин. Но это не имело значения. Всё время у меня было странное чувство, будто я выполняю чужую работу. Словно меня оседлали духи мёртвых мужчин, желавших наслаждаться вместо меня. Я был как машина, работал ровно настолько, насколько необходимо, следя за тем, чтобы не перегреться. Я потерял свой момент, момент, в котором мог что-то чувствовать, и всё остальное стало обыденным.

Пока он говорил, Марко казалось, что он разговаривает сам с собой, будто Кристины вообще не было в комнате. Он видел её где-то далеко внизу под собой. Он ненавидел то, что находится здесь, в Институте. Сам факт того, что он сидит напротив женщины, которая когда-то принадлежала к низшему среднему классу, заставлял его дрожать. Кристина должна оценивать такого человека, как он? Смешно. Неужели Новый Порядок действительно видит его именно так? Какая гротескная идея. Должно быть, это какая-то странная игра Новой Эпохи, создание иллюзии того, что все равны, чтобы пролетарии оставались под контролем.

Но всё же... эта женщина... она была властью над ним. Именно она должна была оценить его и вынести заключение о его психическом здоровье? Какая фарс!

С другой стороны, Кристина оставалась нейтральной. Это не было её врождённым качеством; это было нечто, что выросло в ней после войны и ПТСР, который она пережила. Она не хотела заходить слишком глубоко во время первой встречи с этим человеком. Она точно знала, когда разговор должен закончиться. В своём отчёте она написала, что Марко По сотрудничает, охотно идёт на контакт и даже искренен.

— Спасибо вам за сотрудничество. Институт был бы признателен, если бы вы провели со мной ещё несколько сеансов, — сказала она.

Марко чувствовал себя неудобно. Но всё же ему было любопытно. Чего хочет Институт? Видит ли он в нём новую ступень человеческой эволюции? Убеждённый, что Институт нуждается в нём из-за его гениального разума, он с нетерпением ждал возможности назначить ещё одну встречу с Кристиной. Он не испытывал уважения ни к ней, ни к психологии вообще. Психологию он считал разновидностью колдовства с небольшой статистической приправой.

Пока он медленно и уверенно выходил из кабинета, Кристина почувствовала лёгкий укол любопытства. Она не могла перестать задаваться вопросом, что скрывается за его оболочкой джентльменской учтивости и этой смутной, но в то же время яростной фантазией о совершенстве.

Глава 2

Летний дождь

29 июня 2064 года

Вторник

Был рассвет. Влажный, свежий воздух и мягкие тёмные облака предвещали дождь. Город крепко спал, тихий и отсутствующий. Уютная тьма опускающихся век, тела под тёплыми простынями, всё ещё липкие и влажные от прикосновений прошлой ночи, кровати, горячие от всплесков одинокой страсти, комнаты, холодные от кондиционированного одиночества... всё это придавало раннему утру волшебную дымку покоя.

Кристина не спала. В её комнате горела свеча с ароматом кокоса. На столе стоял наполовину пустой бокал сладкой сангрии. Лёгкое дыхание рассвета проникало через окно, пока она печатала заметки на ноутбуке. Она никогда не удаляла свои записи. Она хранила их вечно в облаке, надеясь, что какое-нибудь её слово или исследование сумеет прикоснуться к бессмертию. Это была самая странная черта Кристины: она хотела жить вечно и одновременно жаждала смерти.

Было ровно пять часов шестнадцать минут. Кристина сидела на краю кровати и закурила сигарету. Она сделала глоток крепкого чёрного кофе. Разбуженная беспокойством в мышцах, она думала о вечных рисунках мамонтов в человеческих пещерах, об этой примитивной попытке обрести бессмертие. Она постоянно задавалась вопросом, переживёт ли хоть что-нибудь из созданного ею её собственное тело. Но она не была встревожена. Её не мучили кошмары. Её ранние пробуждения и бессонница словно возникали из ниоткуда.

Кристина пятнадцать лет страдала от довоенной депрессии и, конечно же, от послевоенного ПТСР. Возможно, это был даже комплексный ПТСР. Когда-то её переполняла дикая ярость, слепота дикаря, который слишком долго терпел великую несправедливость. Она мечтала о мести. Она хотела крови оплаченных долгов на своих руках. Она хотела мочиться на могилы тех, кто причинил ей боль. Она понятия не имела, как её горячая моча со следами менструальной крови могла бы навредить каким-то мёртвым телам под землёй. Всё, что она знала, — это то, что была кровожадна. Дикий бык был прикован к её груди ржавыми цепями. Иногда он ревел от боли. Это был рёв потерянного поколения.

Молодые арнейцы словно отбывали пожизненное наказание. Их единственным преступлением было рождение. Они не знали, почему страдают так долго. Возможно, это был восточный грех, возможно, первородная вина, возможно, синдром предков. Постепенно они привыкали к страданию, понимая, что не существует правил выживания, есть лишь удача или проклятие. И так молодых арнейцев стали называть — потерянным поколением.

Становилось холоднее. Начался дождь. Кристина накрыла ступни влажным одеялом. Свежий летний пот завивал её волосы в локоны, а утренняя роса задерживалась на ресницах. Жара закончилась, но она всё ещё ощущала тяжесть душного, влажного воздуха. Однако воздух был не единственным влажным предметом в комнате. Влага желания сохранялась между её бёдер, хотя она уже много лет не испытывала страсти.

Вначале, ещё до войны, она принимала антидепрессанты, которые делали её притуплённой. Она считала себя легальной наркоманкой, но не могла прожить и дня без лекарств. Левакса, Прозак, Циталопрам. Она перепробовала всё. И, конечно же, Валиум. Иногда даже алкоголь. Когда времена становились по-настоящему тяжёлыми, она принимала седативные

препараты вместе с красным пивом или фруктовым вином. Её алкогольная фаза длилась недолго.

Затем пришла война. Люди были заперты в своих домах. Каждую ночь действовал комендантский час. Отключения электричества. Эпидемии. Гуманитарная помощь. Дроны с камерами. Дроны-бомбардировщики. Дроны-камикадзе. Гусеницы танков. Взрывы. Диарея, вызванная страхом. Но также и странная радость неопределённости. Возможно, думали люди, если мы выживем, будущее не будет таким мрачным.

После войны жизнь не сразу стала лучше. Кристине пришлось отказаться от антидепрессантов. Кроме того, у неё развился тяжёлый ПТСР. Она страдала бессонницей, тошнотой, рвотой, кошмарами. Воспоминаниями о звуках танков и ракетных оборонительных систем. Тягой к кофе и шоколаду. Станным ощущением, будто кто-то расстёгивает и застёгивает молнию в нутры её мозга. И наконец — кислыми слезами по напрасно прожитой жизни.

Со временем Кристина получила шанс. Она окончила так называемый — низший курс психологии. Новый Порядок дал ей работу, которая вполне её удовлетворяла. Она больше не была рабыней рабочего графика, строгой иерархии, прихотей начальников или прибыли. Всё стало иначе. Спустя очень долгое время она снова стала человеком. Она больше не была служанкой чужого нарциссизма.

Но старые привычки умирают тяжело.

Через два года после войны кошмары прекратились. Кристине больше не нужны были ни лекарства, ни терапия. Но она осталась фригидной. Её ступни были холодными и онемевшими, а иногда она не могла уснуть. Не испытывая ни потребности в близости, ни потребности в любви, она была словно высохшей изнутри. У неё не было желания даже к простому, грубому сексу, и со временем она к этому привыкла.

Чтобы развлекать себя без интимности, она выработала определённые ритуалы — плавание, долгие горячие души и чтение книг одинокими вечерами. Её день всегда начинался с умывания холодной водой, энергичной чистки зубов и неспешного питья крепкого чёрного кофе. День обычно заканчивался новыми гигиеническими ритуалами и большой кружкой зелёного чая из Орфенатии. А иногда, конечно же, и старым добрым алкоголем.

Тем не менее Кристина наслаждалась одной глупой привычкой, сохранившейся у неё ещё с довоенных времён. Возвращаясь домой с работы, она снимала свои чёрные армейские ботинки на шнуровке, ставила их рядом с кроватью и оставляла в них носки, словно солдат. Те же самые носки она носила по два-три дня, пока они не приобретали сладковатый запах ступней и пота. Моя кровь не благородна, думала она, но всё же ей казалось, что её свежий пот, её ношенные носки, даже её кожа вообще пахнут очень нежно и приятно. Она пахла как аристократка. Но была всего лишь арнейкой.

В конце концов, у неё не было фамилии. У обычных граждан вместо фамилий были номера. У дворян были родовые имена. Это было единственное различие между дворянскими и обычными кровными линиями, сохранившееся со старых времён. Иногда Кристина вспоминала англичанина, с которым спала до войны. Он был дворянином, даже лордом. Но его ноги ужасно воняли. Было странно, думала она, как Бог и британская королева, тогда ещё королева

Елизавета II, могли позволить этому лорду пахнуть как фабричный рабочий, а одной арнейской девушке — как коричневый сахар и цветы?

Хотя её цинизм часто оставался скрытым, Кристина всё ещё чувствовала глубокую печаль. Она ощущала её в груди, в животе, в дрожащих руках. Она боялась, что прошлое может повториться. Она пыталась убить эту печаль тяжёлой работой. Ей нравилась её работа психолога, но она не обманывала себя. Она знала, что зелёная Орфенатия — единственное настоящее лекарство для её пациентов. Она же, как профессионал, была лишь приятным лицом, которое они видят, и её пациенты вполне хорошо функционировали бы и без неё. Она всё ещё была довольно легко заменима. Она не была особенной, не была экспертом и уж точно не была ни ангелом, ни святой. Так её жизнь продолжала отсчитывать секунду за секундой, час за часом, словно идеальные швейцарские часы.

Но именно тем утром она была явно взволнована. Сильное чувство страсти росло у неё в животе, там, где жили дикие быки. Между ног она ощущала источник сладкой влаги, а на кровати — влажное пятно. После долгого времени она снова желала мужчину.

Не в силах уснуть, особенно после крепкого кофе, она отправилась в душ. Её тело несло на себе следы прошлого, но всё ещё оставалось мягким и крепким, и она опустила руку между ног. Её мысли были грязными, грубыми и дикими. Чёрный мужчина из её фантазии не имел имени, только дикую силу и первобытное желание. Беря от неё всё, что хотел, он вёл её через бурный танец в старом послевоенном доме в одном из заброшенных городов-призраков. Он был полностью одет в чёрное, тогда как она была обнажена. Только его брюки были слегка растёгнуты, чтобы он мог снова и снова входить в неё. Затем они делали это снова в поезде, полном людей, которые смотрели и желали. Её не волновал электронный глаз, всеведущая шпионская машина. Она не могла думать; она могла только чувствовать.

И как раз перед тем, как её пальцы довели её до вершины наслаждения, она подумала о Марко. Она испытала мощный оргазм. Не было никаких сомнений в том, что Марко По глубоко её привлекал. И, вполне логично, она ненавидела это.

Исполненная горького разочарования в самой себе, она грубо вытерла тело полотенцем. Легла в постель и попыталась читать книгу. Она не могла сосредоточиться. Затем попыталась смотреть телевизионную передачу под названием — Ужасы XX века о женщине, страдавшей анорексией и имевшей силиконовую грудь размера D, которая хотела ещё большего размера, чтобы выглядеть как секс-кукла. Это одновременно забавляло её и вызывало отвращение.

Потом она снова подумала о Марко. Она отчаянно хотела переспать с Марко По. И в то же время Марко По ей искренне не нравился. И снова она поймала себя на том, что строит планы начать роман с Марко после окончания терапии, не нарушая профессиональную этику и не причиняя вреда самой себе. Это казалось невозможным. На самом деле это и было невозможно.

Внезапно начальник прислал ей сообщение в Eral, социальной сети.

— Сегодня ты рано проснулась. Что-то случилось? ##

— О, не беспокойся, Петар. Просто лёгкая бессонница. Исправлю это чашкой Орфенатии, — напечатала Кристина.

— Я подумал, раз уж ты всё равно не спишь, мы могли бы выпить кофе в кафе «Roadhouse Blues». Можем провести там совещание, чтобы завтра тебе не пришлось приходить на работу. Я принесу материалы. Разумеется, если ты согласишься взять пациента.

— Какого пациента? — улыбнулась Кристина. — У меня их двадцать.

— Того парня на среду. Того светловолосого доктора наук. Ту маленькую ссыкуху, которая притворяется альфой. Я знаю, что ты не любишь лето, и старался не давать тебе тяжёлых пациентов в сезон, но это нечто новое и захватывающее. И очень важное — и для Института, и для Государства.

Кристина побледнела. Сердце колотилось от волнения и страха, и она была не просто слегка напугана — она была измучена. Но она не могла отказаться от такого случая. Это был пациент, который выпадает раз в жизни: одновременно доступный и загадочный, притягательный и отталкивающий, трусливый и жестокий, жалкий и восхитительный. Он был загадкой. Древней загадкой Сфинкса. Тайной подземного мира. Посланием самого дьявола. Он был великим вызовом. Её это просто не могло позволить, чтобы он достался кому-то другому.

— Буду в «Roadhouse Blues» через полчаса. Закажи мне холодный латте.

Она нажала — отправить и обулась.

Глава 3

Roadhouse Blues

29 июня 2064 года

Вторник

— Знаешь, иногда у меня возникает очень сильное чувство, что всё, через что мы прошли, повторится снова. Но именно это и даёт мне силы заниматься этой работой. Я бы занимался ею даже бесплатно. Если уж я не могу остановить вечный цикл добра и зла, то хотя бы могу сделать что-то, чтобы остановить одно издевательство, спасти хотя бы одно невинное существо от агонии насилия. Особенно нарциссического насилия. Но я заболтался... несу какую-то чепуху... Знаешь, когда я понял, что старый капиталистический мир рухнет? — сказал Петар, потягивая ирландский кофе в — *Roadhouse Blues*.

— Когда началась война? — предположила Кристина.

— Нет, нет, гораздо раньше, — ответил он. — Это был момент, когда мой сосед купил свой новый модный автомобиль, новейший Audi, а потом угодил на нём в яму на дороге. Смешно, правда? Ты не вкладываешься в общее благо, оставляешь всё себе, только чтобы в конце понять, что это бесполезно. Ты не можешь ездить на своей новой машине, если некому ремонтировать дороги. В тот момент я понял: мы все едины.

— И тогда же ты понял, что твой сосед — идиот, неспособный планировать дальше, чем на сорок восемь часов вперёд?

— Именно так. Знаешь, если достаточно долго смотреть в эти дорожные ямы, можно увидеть бездну, — сказал он.

— Шеф, вы психиатр. Уж вы-то должны знать, что существуют люди, которые любят бездну и ад. Хаос — их естественная среда обитания, и только через хаос они могут править.

— Кристина, я тебе не шеф. Я твой супервизор по имени Петар. Так что называй меня Петар, Петар вполне подходит. Он улыбнулся. — Скажи мне, дорогая моя, как ты себя чувствуешь в последнее время?

— Разве вас вообще можно обмануть? — ответила она.

— Можешь попытаться.

— У меня ангедония. Я фригидна. Мне нужен землетрясение, чтобы хоть что-то меня сдвинуло с места. Как будто... я ничего не чувствую. Просто лежу по ночам без сна и думаю о том, что навсегда останусь той, чьи предки были всего лишь номерами, просто рабами... Всегда той, кто не смог получить образование вовремя, кто потерял тридцать лет жизни, борясь лишь за выживание. Я та, кого финракийцы когда-то называли «просто работницей». Один мёртвый, другой живой — неважно. Наши жизни стоили дешевле презервативов. А мы делали вид, что этого не замечаем. Я упустила свой единственный шанс получить настоящее образование в то

время. И, Петар, у меня нет фамилии, у меня чёртовы цифры! Мне кажется, что меня никто по-настоящему не видит. Ладно, неважно... кровная линия есть кровная линия.

— Их кровная линия была единственным, что у них оставалось, — сказал Петар. — И они прекрасно это знают. Крис, ты умная и красивая женщина. То, что ты не Ариевка, ничего не значит. Возможно, Понтий Пилат был арийцем. Возможно, Амон Гёт был арийцем. И что история сказала о них?

— Вы верите, что Понтий Пилат убил бога? — спросила она.

— Нет, не верю. Он определённо убил хорошего человека, но не бога. Но можно сказать, что я верю: Амон и люди, подобные ему, убили бога внутри каждого из нас.

— Забавно, — сказала Кристина. — Мы говорим обо всех этих философских, абстрактных вещах, а наши собственные жизни... Знаете, в последний раз я была счастлива ещё в старшей школе. Не помню, любила ли я когда-нибудь по-настоящему. Единственный успех, которого я добилась за последнее время, — это то, что сегодня утром мне удалось испытать оргазм во время мастурбации.

— Ну что ж, — рассмеялся Петар. — Когда-то кто-то умер на кресте, чтобы ты могла наслаждаться своими грехами. Так что... было хорошо?

— Было прекрасно, — ответила она.

— Ну, знаешь, как говорят: когда находишь хороший рецепт хлеба, готовь его каждый день, — хихикнул он.

Она не осмеливалась признаться, что её привлекает пациент, и не просто пациент, а один из самых худших. Враг Государства, враг человечества, враг самой жизни.

— Я хотел бы поговорить о работе, если ты не против, — Петар стал серьёзным. — Я хотел бы, чтобы ты вела дело Марко По. Есть ли у тебя уже какие-то выводы о нём?

— Его образование вызывает сомнения, — заключила она.

— Ну а чьё образование не вызывает сомнений? В те хаотичные довоенные времена можно было купить диплом, даже магистерскую степень, докторскую степень — всё, что угодно. Десять тысяч долларов, и всё устроено. Образование было мерой богатства, а не знаний. А его отец был богат.

— И я осмелюсь сказать, — прошептала Кристина, — он кажется слишком идеальным. Слишком вежливый, слишком красивый, слишком ухоженный. Даже его лёгкая мизогиния слишком убедительна, так что создаётся впечатление, будто его ранили женщины, которых он любил больше всего. Он — идеальное клише. Как какой-нибудь глупый красавчик из романтической комедии. Это просто нереально. Это маска. Вопрос в том: что находится под ней? Аутист, убийца, психотик, пограничное расстройство? Это может быть что угодно.

— Он злокачественный нарцисс, — сказал Петар.

— Он... кто? — удивилась она, хотя уже рассматривала такую возможность.

— Нарцисс. И только. НРЛ. Злокачественный, психопатический тип. Садистические элементы личности. Мизогин, открыто агрессивный. Склонен к депрессии и эректильной дисфункции. Доктор Хелен тестировала его ещё до войны, сразу после его третьего депрессивного эпизода.

— Диагноз окончательный? — спросила Кристина, надеясь, что этот пугающий диагноз может оказаться ошибочным.

— Его тестировали дважды. Я бы не сомневался в этом, — ответил Петар.

— Он казался довольно искренним..., — сказала она.

— Что ж, он умён, в этом нет сомнений. Он согласился на сеансы с тобой, Кристина. Для нарцисса необычно добровольно соглашаться на беседы с психологом. Возможно, он пытается нас перехитрить. Я хотел бы, чтобы ты взяла этого пациента. Что бы ты ни думала о себе, ты единственный человек, которого я нашёл достаточно мудрым, чтобы не поддаваться манипуляциям. В конце концов, ты пережила старые времена с удивительной силой и глубиной... Я пришло тебе всё, что у нас есть на него: записи из некоторых гостиниц и коридоров, паспортные данные, дипломы, экзаменационные досье. У нас не так много информации. Больше всего ты сможешь получить из разговора с ним.

— Мы уже разговаривали. Он рассказывал мне о девушке, которую преследовал в подростковом возрасте. У него была плохая мать. Я ожидала увидеть умеренно выраженную психопатию, но также ожидала сохранённую эмпатию и чувство вины. Но злокачественный нарцисс... да бросьте. Этого я не ожидала. И что мы вообще будем делать с нарциссом, да ещё и злокачественным? — спросила она.

— Мы его вылечим, — спокойно ответил Петар.

— Но это невозможно!

— Возможно, и нет. Мы проведём эксперимент, первый в своём роде в истории. Мы соберём пятьдесят нарциссов, готовых участвовать в эксперименте, и проведём один очень рискованный и очень дорогостоящий курс лечения с использованием полной изоляции. Я всё тебе объясню. А пока изучай его материалы и изучай его самого. Я дам тебе его досье. Разумеется, если ты согласишься взять этот случай?

Кристина молча взяла ром и добавила его в свой латте. Затем взяла папки и положила их в сумку.

— Я возьмусь за него, — кивнула она, сама не понимая, почему принимает эту сизифову задачу.

Петар поднял бутылку рома и произнёс тост, глядя на неё с восхищением и любуясь её смелостью и силой, прекрасно понимая, насколько контакт с подобной злокачественностью может повредить её психику. К счастью, её амбиции были сильнее запаха опасности. Он сделал глоток алкоголя и прошептал:

— Добро пожаловать в создание истории.

Глава 4

Мисс Андреа

2 июля 2064 года

Пятница

— Я не могу писать, когда на меня смотрят. Так говорит Тайлер Дёрден, пытаюсь помочиться в еду, которую подадут снобам. По телевидению снова показывали — Бойцовский клуб. Это был уже пятый раз за неделю. Новый Порядок по какой-то причине считал этот фильм культовым. В старые времена он тоже считался культовым, вероятно, без всякой скрытой причины или повестки. Фильм просто хорош. Или же, с другой стороны, власть знала, что никто на самом деле не способен навредить системе и что можно продать что угодно, даже открыто антиправительственный фильм или книгу. Самая могущественная тирания всегда та, что настолько тихая, призрачная и изменчивая, что даже правда не может её поколебать.

Тайлер каким-то образом сумел помочиться, хотя мы все смотрели на него. Кристина выключила звук телевизора. Она обожала этот фильм, но была настолько переполнена ненавистью к самой себе, что могла только плакать и валяться в жалости к себе.

— Не волнуйся, мама... — написала она на листке бумаги, пытаюсь дышать и видеть сквозь мокрые, вспотевшие ресницы, затуманивавшие её зрение. — Не волнуйся, мама, не волнуйся... Я больше тебя не разочарую. Мне дали новую жизнь. На этот раз я буду творить историю вместо того, чтобы мечтать. Я сдвинусь с мёртвой точки. Я приму синюю таблетку и поступлю в элитную школу. А когда закончу её как одна из элиты, я никогда не узнаю, что значит быть рабом. И никто, никто больше не будет издеваться надо мной снова и снова, пока не похоронит меня заживо в страхе. Я виновата, мама, виновата в том, что я никто. Я не воспользовалась единственным шансом, который мне дали. Всё, что ты вложила в меня, было растрчено на бессмысленные утра только потому, что я не осмелилась попытаться поступить в элитное учебное заведение. Но на этот раз, мама, на этот раз... я буду гордой и поверю, что могу стать настоящим человеком, а не той тенью, какой была когда-то...

Это был всего лишь бессвязный поток мыслей. Кристина не верила в то, что писала. Она знала, что уже слишком поздно. Когда-то давно она получила стипендию для учёбы за границей, но не смогла покинуть Арнею. Она окончила — университет для бедных, и пути назад уже не было. Всё, что ей оставалось после того, как она упустила свой единственный шанс, — это бледное искупление и огромная трата времени. После того как её так быстро отвергли талантливые, те, кто сияет, и бросили к невидимым пролетариям, она узнала, как на самом деле обращаются с обычными людьми. Потребовалось всего одно мгновение, одно моргание глаза, чтобы её судьба была решена, и невидимая рука бросила её в океан отбросов.

Теперь, живя среди клопов, пожиравших друг друга ради выживания, она узнала, что значит жить без милосердия. Новый Порядок не мог это исправить: её личность изменилась навсегда, и больше не осталось ничего, что она действительно могла бы дать миру. Чтобы сделать судьбу ещё более жестокой, она больше не могла любить. Не осталось ничего, что она могла бы дать хотя бы одному человеку.

Она выключила телевизор и попыталась читать. Сначала она читала о Стэнфордском тюремном эксперименте, задаваясь вопросом, почему он так сильно напоминает ей довоенную Арнею. Это была гетто-психология. Точно так же, как и Арнея, это было место не в географическом смысле, а место, существующее как состояние сознания, место, где любой нарцисс мог безнаказанно разрушать твою личность до такой степени, что ты больше не мог ничего дать

миру, и законно довести твой разум до полного убеждения, что ты физически не способен сбежать, потому что ты ничтожество и нигде на Земле тебя не ждут.

Над Арнеей не было Бога. Был только Зимбардо, наблюдающий за ними через объектив дорогой камеры. Арнея была государственным экспериментом. Арнея была выдающейся трагикомедией, местом, где преподаватели ставили студентам одни десятки лишь для того, чтобы позже вручить им бесполезные дипломы, которые в конечном итоге позволяли выпускникам работать в киоске без туалета. Так появлялось государство, полное талантливых выпускников, которые испражнялись в пластиковый пакет на холодном полу киоска.

Эмоционально униженные и наказанные за свои добрые дела, арнейцы бежали за границу, но там могли лишь снова встретить самих себя. Они были гражданами третьего сорта, обманывая себя мыслью, будто значат нечто большее, чем обычные рабы этого мира, рабы Зимбардо, рабы самого Бога. У них не было Бога. Бог давно покинул их, под тенью войны, которая была лишь вопросом времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.